

Лиденкова О. А.,

ГГУ ім. Ф. Скорины, г. Гомель

СИМВОЛИЗАЦІЯ ОБРАЗА ПРИРОДИ В БЕЛОРУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БАЛЛАДЕ

У статті аналізуються засоби символізації образу природи в білоруській і англійській літературній баладі. Прослідковується художній пошук способів подолання розділення природного й людського світів і причини, по яких це виявляється неможливим. Розглядаються загальні й відмінні риси символіки балад різних авторів.

Ключові слова: літературна балада, природа, людина, символ, відчуження, таємниця, ідеал.

The article centers on the symbolic expression of the problem of tragic separation between man and nature as well as spiritual flaws of humanity that are seen as the main reasons for this alienation in the genre of literary ballad. The complex of ideas embodied in nature imagery in Belarusian and English ballads is analysed in a comparative aspect.

Keywords: literary ballad genre, nature, humanity, symbol, alienation, mystery, ideal.

В літературній баладі природа нерідко міфологізується, стає практично рівноправним діючим лицем, активно впливаючим на долю людини і, одночасно, більш повно розкриваючим глибокі духовні причини людських проблем і конфліктів. При цьому світ людини і світ його оточуючого виявляються не тільки розділеними, але й протипоставленими одне одному. Дана проблематика яскраво проявляється на символічному і алгорическому рівнях прочитання тексту, і вважається мало дослідженою в плані компаративістики. Таким чином, метою даної статті вважається дослідження комплексу ідей, закладених в образах природи і порівняння способів їх символічного втілення в баладах англійських і білоруських поетів.

Основною ідеєю багатьох літературних балад вважається заклик до безжального ставлення до оточуючого світу, до всьому невіданому. Природа стає сховищем таємниці, яку людині поки не дано зрозуміти. Символом такої таємниці в баладах Я. Купали, наприклад, стає квітка папоротника: “У Купальську ніч”, “Заклята квітка”, “Забута скрипка”. В білоруській баладі чудесна квітка – символ надії на щастя, обманливою і притягальною. Секрет людського щастя виявляється одночасно і тією таємницею, яку ховає в глибинах лісу природа, персоніфіцирована в образі нематеріального, неуповноваженого духа лісу: “Квітка пільна я пільную, На замку замкнена

сорок” [1, с. 231]. Благополучие героя связано с его способностью общаться, взаимодействовать с природой, где *“Падпільноўвае дух пушчы – І не дасць нічога ўзяці”* [1, с. 230]. Человек очарован воображаемым блеском цветка и полностью находится в плену своей мечты, *“Доляйка-казкай счараваны”*. В самом этом стремлении к счастью и свету нет ничего предосудительного, наоборот, оно заложено в самой природе человека, это – извечная жажда его души: *“Вечны голад кветкі-шчасця”*. Но при всем этом подобное желание носит чисто эгоистичный характер, он не готов ничем пожертвовать для достижения мечты. Герой пытается реализовать свое стремление за мечтой через контроль и подчинение леса себе, пытаюсь как вор (*“скрадаецца, як злодзей”*), силой присвоить себе то, что должно прийти как дар: *“Кветку-шчасце цапнуць хоча”* [1, с. 230]. В слове *“цапнуть”* отражено обычное человеческое желание схватить счастье даром, просто так.

Причина конфликта баллады также в том, что заветный источник блага герой ищет не так и не там. Цветок становится для человека солнцем, то есть ориентиром, идеалом: *“Як бы сонца на усходзе”*. Трагедия героя заключается в том, что он направляет свое стремление не к истинному солнцу, как ему советует голос пуши: *“Ждзьы лепш раницы, не кветкі!”*. Его манит лишь призрачный огонек чудесного, живущего в его же фантазии, цветка, который в его сознании становится ложным, *“як бы”* солнцем. Поэтому блуждание героя в темном ночном лесу – *“А ён блудзіць”* – приобретает символическое значение: сумрачный бор уподобляется лесу, в котором заблудился герой *“Божественной комедии”* Данте. Перед нами образ героя, утратившего истинный путь в жизни в погоне за ложным идеалом. Я. Купала создает образ героя, одержимого иллюзией: *“Як шалёны, прэця к кветцы”*. В произведении *“Закаятая кветка”* автор изображает, как в подобной погоне теряется человечность и в сознании стирается различие между добром и злом: *“пяхаюцца, корчацца, б’юцца, Мяшаецца праўда і зло”* [1, с. 158]. В этом проявляется и желание обрести чудо, не научившись понимать более простых вещей, желание увидеть свет волшебного цветка, не научившись видеть свет привычного солнца. В данном случае голос автора сливается с голосом лесного духа: *“Ты яшчэ не дарасціўся / Цвет пасцігнуці жаданы”* [1, с. 231]. Символично, что видение цветка пропадает, рассеивается с наступлением утра: *“Усё – як сон... не засталася...”*. Ирония в том, что герой в лучах рассвета остается слеп к настоящему свету, зовёт солнце и не видит его, оставаясь в плену своего ночного цветка-солнца: *“Дайце кветку! Дайце сонца!”*.

Наконец, герою предлагается единственный способ достичь желанной цели: это путь служения: *“Вырві сэрца, высуш сэрца, Запалі агнём, як свечку!”*, *“Асвятці мой хорам годне!”*. Это требует самоотречения и преодоления привычной лени: *“Не паглядывай на печку!”*. Только так,

через жертву и боль можно стать настоящим хозяином природы: “... *зробіш гэтак? Будзеш панам, слаўным князем*”. Только так можно, наконец, обрести мечту: “*Кветка прыйдзе сама ў рукі, Толькі сэрца спянялее*”. Герой же баллады не хочет и не готов принять этот путь, предпочитая бесплодную погоню за миражом, и его удел выражен пророчеством: “*А не зробіш – сотні летак Віцца будзеш, як вужака*”, “*Чяхнуць будзеш, небарака!*”. До тех пор, пока герой не прислушается к предостережению, он обречен вечно стремиться за призраком счастья, и вечно терпеть неудачу. Характерно, что герой баллады не имеет имени, он – просто “чалавек”, то есть само стихотворение становится философской притчей.

Можно заметить, что по способу восприятия природы и художественным приемам баллады Я. Купалы “У Капальскую ночь” схожа с балладой У. Вордсворта “The Foster-Mother’s Tale”. В обоих текстах природа воплощается в личностной форме и наделяется собственным голосом и сознанием. Авторское воображение через ее диалог с героем, человеком, как в некоем литературном эксперименте, исследует проблемы, вызывающие разделение человеческого и природного мира, и пробует найти их решение. И в том, и в другом случае природа становится символом абсолютной свободы. Так, Я. Купала говорит, что она “*Крыжам ляжа на загоне, А не дасць надзець аковы*” [1, с. 231]. В тексте У. Вордсворта природа воплощена в образе мальчика-подкидыша. Заключение другими людьми в тюрьму, он поет песнь о желанной свободе: “*How sweet it were on lake or wild savannah, To hunt for food, and be a naked man, And wander up and down at liberty*” [4]. В конце концов, герой совершает побег из темницы и окончательно разрывает свои отношения с людьми.

Сходство этих двух произведений на идейном уровне в том, что обе баллады утверждают неспособность этих двух миров – природного и человеческого – объединиться, понять друг друга. Главное же отличие в том, что в балладе Вордсворта сами люди делают шаг навстречу природе, представлена попытка ее “очеловечить”, приблизить к собственному пониманию. Неудача вызвана тем, что эти два мира – естественный и цивилизованный – слишком разнятся своим внутренним характером. Природа прекрасна, но отчуждена, независима и недосягаема. В балладах же Я. Купалы ситуация почти противоположна. Природа часто делает шаг навстречу человеку, но оказывается в положении жертвы и вынуждена оберегать свои секреты перед угрозой неразумных, разрушительных действий человека. Непонимание людьми сложившейся ситуации порождает в них страх. Отношение человека к природе, к тому, что он не может объяснить – враждебное: “*Прэч, загіньце, ведзьмы, злыдні!*”, сам лес вырубает “без шкадобы”. Последствиям столкновения интересов человека и природы посвящена другая баллада Я. Купалы, “Лясная царэўна”. В ней отрицается сама возможность того согласия с природой, о кото-

рой в девятнадцатом веке писал Я. Чечот в своей балладе “Радзівіл, альбо заснаванне Вільні”: “Калісьці была ў нас з прыродаю згода” [2, с. 117]. На этот раз лес воплощен в образе молодой девушки: “Царэўна мая ты, зялёны лес мой” [1, с. 198]. Автор описывает ее мечтательную влюбленность в человека и опасается, что это чувство окажется для его героини роковым: “Ты ждзеш чалавечага сэрца й душы. / Падумай, царэўна, і дум не сушы”, “Ты згінеш, як знойдзе цябе чалавек!”.

Еще одним примером, иллюстрирующим авторское виденье ситуации, является баллада Дж. С. Блэки “The Jungfrau of the Lurlei. A Legend of the Rhine”, основанная на немецкой легенде о Лорелее. В сюжете баллады отражено то же желание человека владеть силами и тайнами, которые ему не принадлежат, что и в балладах Я. Купалы. Герой повествования, молодой граф Палатин (“The young Count Palatine”) намерен жениться на загадочной рейнской красавице, и стремится к достижению своей цели также безрассудно, жадно и торопливо, как герои белорусских баллад ищут заветный цветок. В обоих случаях мотивом служит воображаемое счастье. И также напрасно звучит предупреждение о том, что человек не должен посягать на то, что он не готов принять. В английской балладе Лорелея, дочь реки, противопоставляется простым смертным – людям – как существо высшего порядка: “*Rough mortal hand to touch a maid/ So pure may not beseem*” [3]. Ее образ приобретает оттенок святости. Свою роль в конфликте произведения играет и эгоистичная природа человеческого стремления. Если наказанием для героев Купалы становится отчаяние и бессмысленность всех усилий, то в случае с Палатином самонадеянность и спешка оканчиваются физической гибелью героя: он тонет в реке рядом с камнем, где пела свою песнь девушка. Сам образ ундины можно опять же интерпретировать как личностное воплощение природы. В ее описании присутствует важная деталь, повторяемая автором на протяжении повествования: фигура Лорелеи и место, где она находится, неизменно окружено сиянием, в котором сливаются лучи заходящего солнца и восходящей луны: “*And on that rock there shone a sheen/ Of mingled sun and moon*”. Это символ объединения противоположностей, двойственность героини, словно выражающая ее принадлежность одновременно и к миру людей, и к миру природы. Таким образом Лорелея – это и созданный воображением автора идеал гармонии человеческого и природного. В ее лице окружающий мир делает шаг навстречу человеку: в начале баллады она помогает рыбакам и все, кто следует ее подсказкам, получают богатый улов. Однако в финале произведения опрометчивый поступок героя нарушает эту гармонию. Лорелея навсегда покидает мир людей, а с ней уходит и возможность согласия между двумя мирами. В качестве морали звучит предостережение людям не посягать на священные тайны, скрытые от них в образах окружающего

мира: “*The lovely shapes of earth and sky Behold—but touch them not!*” [3]. Людям остается лишь право созерцать и восхищаться окружающей его красотой, но не касаться ее.

Таким образом, в рассмотренных балладах при всех различиях способа развития и разрешения конфликта наблюдается несомненное сходство в самой постановке главной проблемы: отделения и отчуждения человека от окружающего мира, а также в выводах и причинах подобного состояния, а именно духовного несовершенства людей.

Литература:

1. Купала Я. Вершы. Паэмы. П’есы / Янка Купала; [прадм. У. Гніламёдава]. – Мінск: Харвест, 2007. – 704 с. – (Бібліятэка Саюза пісьменнікаў Беларусі).
2. Чачот Я. Наваградскі замак: Творы / Ян Чачот. – Мінск: Вышэйшая школа, 1989. – 204 с.
3. Blackie J. S. The Jungfrau of the Lurlei [Electronic resource] / J. S. Blackie. – Mode of access: http://www.archive.org/stream/cu31924013295484_djvu.txt
4. Wordsworth W. The Foster Mother’s Tale [Electronic resource] / William Wordsworth. – Mode of access: <http://www.online-literature.com/wordsworth/2213/>